

Апрель

- 1 • Жажда благодати
- 2 • Отлучившийся господин
- 3 • Вольное партнерство
- 4 • Неотвеченная молитва
- 5 • Молитвы от всего сердца
- 6 • Прикасаясь к пустоте
- 7 • Привкус позора
- 8 • Главный слуга
- 9 • Время смеяться
- 10 • В поисках совершенной церкви
- 11 • Надежда от еврейского экстремиста
- 12 • Здоровое начало
- 13 • Божье лицо
- 14 • Пари
- 15 • Вне времени
- 16 • Трагические уроки
- 17 • Сохраняя веру
- 18 • Лучше
- 19 • Бремя за народ
- 20 • Удар трагедии
- 21 • Счастливый конец
- 22 • Молодая луна во вселенной нравственности
- 23 • Пламя идеалов
- 24 • Несчастливая жизнь
- 25 • Нетвердая походка
- 26 • Истина минус благодать
- 27 • Второй шанс
- 28 • Два духовных наставника
- 29 • Благодать для всех
- 30 • Страхочная сеть

ЖАЖДА БЛАГОДАТИ

В 1991 году в России я видел в людях жажду благодати. Экономика, как и все общество, находилась в состоянии свободного падения, и каждый искал виноватого. Я заметил, что простые жители России ведут себя, как запуганные дети: опущенные головы, неуверенная речь, блуждающий взгляд. Кому они могли доверять?

Я никогда не забуду одно собрание, на котором московские журналисты плакали (я никогда прежде не видел, чтобы журналисты плакали), когда Рон Никкель из Международного тюремного братства рассказывал о множестве подпольных церквей в советских исправительных лагерях. На протяжении семидесяти лет тюрьмы были хранилищем истины — единственным местом, где можно было безопасно произносить Божье имя. Именно в тюрьмах, а не в церкви, люди, подобные Солженицыну, находили Бога.

Рон Никкель также рассказал мне о своем разговоре с одним генералом МВД, который слышал о Библии от старых верующих и восторгался ею, но как музейным экспонатом, а не чем-то, чему следует верить. Тем не менее, недавние события заставили его пересмотреть свое отношение. В конце 1991 года, когда Борис Ельцин подписал указ о закрытии всех государственных, областных и местных комитетов Коммунистической партии, МВД обеспечивало сохранность имущества и средств коммунистических организаций. «Ни один партийный чиновник, ни один человек, на которого напрямую влияло это закрытие, не протестовал», — сказал генерал. Он противопоставил это семидесятилетней кампании по уничтожению церкви и искоренению веры в Бога. «Христианская вера пережила идеологию, церковь возрождается, и ничего подобного этому возрождению я еще не видел».

В 1983 году группа смельчаков из «Молодежи с миссией» развернула в пасхальное утро на Красной площади транспарант с надписью «Христос воскрес!» Оказавшиеся там люди старшего поколения при виде его опускались на колени и плакали. Вскоре распевающих гимны нарушителей порядка окружили солдаты. Разорвав транспарант, они потащили миссионеров в тюрьму. Менее десяти лет спустя люди по всей Красной площади приветствовали друг друга в Пасхальное воскресенье традиционным: «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!»

Из книги «Что удивительного в благодати?»

ОТЛУЧИВШИЙСЯ ГОСПОДИН

За четырьмя притчами, записанными в Евангелии от Матфея 24-25, просматривается одна общая тема. Посудите сами: хозяин, оставивший свой дом без присмотра; отлучившийся господин, раздавший поручения своим рабам; жених, который приезжает в такое позднее время, что гости успели заснуть; господин, который раздал своим рабам таланты и уехал в дальнюю страну.

По сути, четыре притчи Иисуса предвосхитили центральный вопрос современной эпохи, поднимаемый людьми, подобными Ницше, Марксу, Камю и Беккету: «Где сегодня Бог?» Современный ответ гласит, что господин покинул нас, и мы вольны устанавливать собственные правила. *Deus absconditus* — Бог сокрыт от нас.

Снова перечитав эти главы, я увидел еще одно иносказание. Мне был хорошо знаком фрагмент об овцах и козлах, но я никогда не замечал его взаимосвязь с предшествующими ему притчами. Эта последняя аллегория дает двоякий ответ на поднятый ранее вопрос об отлучившемся господине.

Во-первых, она позволяет увидеть, что будет по возвращении господина, в судный день, когда расплатой для кого-то станет ад.

Во-вторых, эта аллегория помогает понять происходящее в настоящем — промежуточном, многовековом периоде времени, когда кажется, что Бог отсутствует. Ответ, данный в Матфея 25, одновременно исчерпывающий и шокирующий. Бог вовсе никуда не скрывался, а просто самым неожиданным образом замаскировался под странника, бедняка, голодного, заключенного, больного — всех страдальцев земли. «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

Эта завершающая аллегория Иисуса оставляет Церковь с нелегким бременем, однако оно предлагает миру единственное эффективное решение. Мы должны противостоять анархии, настаивая на существовании Главы, Господина всей планеты, Который, в отличие от некоторых полицейских, осуществит совершенный суд. Более того, до возвращения Господина, это наша задача — продемонстрировать Божье присутствие. Мы отправляемся к нуждающимся из любви, а не ради того, чтобы проявить великодушие. Служа нуждающимся, мы служим замаскированному Богу.

*Авторская колонка в журнале «Христианство сегодня»,
20 июля 1992 года*

ВОЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО

Никто не может свести тайну близкого общения с Богом к какой-то формуле. Английский епископ Хью Латимер написал своему страдающему за веру товарищу: «Иногда мне настолько страшно, что я готов забиться в мышиную нору. В другие же моменты Бог вновь посещает меня, даруя Свое утешение. Он то приходит, то уходит». Мы можем один день переживать духовный подъем, а следующие несколько месяцев проблуждать в пустыне. «Дух дышит, где хочет», — сказал Иисус Никодиму. Он приходит и уходит.

На склоне холма позади моего дома пара рыжих лисиц каждую весну воспитывает выводок лисят. Иногда, когда я приветственно свистну, несколько юных мордочек высовываются из расщелины в скале, нюхают воздух и настороженно смотрят на меня своими блестящими глазами. Порой я слышу, как лисята возятся в своем убежище, иногда же оттуда не доносится никаких звуков, из чего я делаю вывод, что они спят. Однажды, когда у нас остановился гость из Новой Зеландии, я повел его к лисьей норе, предупредив, что он, в принципе, может ничего и не увидеть и не услышать. «Все-таки, это — дикие звери, — сказал я. — Мы никак не можем на них повлиять. Они сами решают, когда им появляться, а когда — нет».

В тот день одна молодая, смелая лиса так высунула свой нос из норы, чем привела моего гостя в неопишуемый восторг. Через несколько недель, когда он уже вернулся домой в Новую Зеландию, я получил от него письмо. Как это ни странно, мое замечание о лисах натолкнуло его на размышления и помогло лучше понять Бога. Дело в том, что мой товарищ совсем недавно прошел через период затяжной депрессии. Иногда Бог казался ему таким же близким, как его жена и дети, иногда же он вообще не ощущал ни Божьего присутствия, ни веры, на которую можно было бы опереться. «Все-таки Бог тоже не ручной, — писал он. — Мы никак не можем на Него повлиять».

«Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам», — сказал Иаков, и эти слова звучат шаблонно. Но он не определяет никаких временных параметров для второй части предложения. Иаков просто напоминает мне, что общение с Богом подразумевает участие двух сторон, и мне в этих взаимоотношениях отводится важная роль. Как сказал Иаков, я могу очищать свое сердце и смирять свой дух. Я учусь брать на себя ответственность за свою часть, а все остальное предоставлять Богу.

Из книги «Молитва. Способна ли молитва изменить жизнь?»

НЕОТВЕЧЕННАЯ МОЛИТВА

Когда я начал разбирать вопрос неотвеченной молитвы, моя жена порекомендовала мне побеседовать на эту тему с кем-нибудь из пожилых людей. «Большинство из них молится, и притом — многие годы, — сказала она. — Ты наверняка узнаешь от них что-нибудь важное».

Жена была права. Я отправился вместе с ней в дом престарелых, где она помогала капеллану, и услышал там несколько удивительных историй. Например, одна женщина, играя в карты со своей подругой, почувствовала внезапное побуждение сходить домой. Переступив порог дома, она увидела, что догорающая свеча подожгла букет искусственных роз. Женщина пришла как раз вовремя, и смогла загасить пламя, просто накрыв его подушкой. Еще одна обительница приюта поведала несколько замечательных историй о том, как избежала гибели во время Второй мировой войны. Другая женщина рассказала о том, как ее муж поперхнулся булочкой с корицей именно в тот момент, когда мимо проходили два медработника. Они спасли ему жизнь с помощью приема Геймлиха.

Я также услышал о молитвах о мире и против несправедливости. Одна чернокожая старушка вспоминала, как молилась в детские годы, проведенные на Юге, где ее считали человеком второго сорта. Тогда она и представить себе не могла, что увидит перемены еще при своей жизни.

Хотя меня в первую очередь интересовал вопрос неотвеченных молитв, большинство обитателей приюта предпочитали рассказывать об отвеченных. Все они сталкивались с семейными трагедиями и проблемами со здоровьем, но почему-то эти события не поколебали их веру в силу молитвы.

После этих бесед я решил пройтись по той части приюта, где жили старики, нуждающиеся в особом уходе. Они были лежачими или прикованными к инвалидному креслу. Я попытался поговорить также и с ними, однако их разум был затуманен. Если они и знали какие-то тайны о молитве, то выведать их было уже совершенно невозможно.

Отъезжая от этого дома престарелых, я был как никогда убежден в том, что единственное окончательное решение проблемы неотвеченных молитв — это объяснение Павла, данное коринфянам: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан». Ни один человек, каким бы мудрым и духовным он ни был, не может постичь Божьи пути; объяснить, почему в одном случае происходит чудо, а в другом — нет, в одни обстоятельства Бог вмешивается, а в другие — нет. Мы можем только ждать и верить, как это делал апостол Павел.

Из книги «Молитва. Способна ли молитва изменить жизнь?»

МОЛИТВЫ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

Я научился конкретно говорить Богу о том, чего я хочу, каким бы невозможным это ни казалось. Я молюсь о мире на Ближнем Востоке; о восстановлении справедливости в Африке; о религиозной свободе в Китае и других странах; о том, чтобы в США исчезли бездомные и расисты... Я от всего сердца желаю всего этого, и более того — я верю, что Бог тоже этого желает.

Один мой друг из Чикаго пытался приобщить некоторых своих коллег по городскому служению к регулярной молитве за то, чтобы в их городе исчезла бедность. Почти все, к кому он обратился с этим предложением, отказались. «Зачем молиться о каких-то нереальных и невозможных вещах?» — возразили они, однако мой друг придерживался другого мнения. В чем же тогда смысл молитвы, если не в том, чтобы выражать желания нашего сердца — особенно если они совпадают с известной нам Божьей волей на земле? Кто знает, что произойдет, если мы начнем молиться о том, чего наверняка хочет Бог? Вспомните многие молитвы христиан за «Железным занавесом» и в Южной Африке во времена апартеида. Они тоже казались нереальными просьбами о невозможном.

Бог предлагает нам четко излагать наши нужды. Он отругает нас за них не сильнее, чем отец — ребенка, который забрался к нему на колени со списком подарков к Рождеству. Доктор Вернон Граундс говорит, что каждый раз, слыша о чьей-то нужде в исцелении, он молится следующим образом: «Боже, я знаю, что у Тебя есть собственные цели и, безусловно, — особый план для этого человека, но я прямо скажу Тебе, чего бы мне хотелось, чтобы произошло».

Если бы мне поставили диагноз какой-то серьезной болезни, я сразу попросил бы о физическом исцелении. Нам велено молиться о больных, Иисус убедительно продемонстрировал Божье желание в отношении здоровья и гармонии в жизни людей, а эффективность молитвы в процессе исцеления породила десятки научных исследований. Вера действенна. Она приводит в гармонию тело, разум и дух и оживляет встроенные в наши тела процессы исцеления.

Иногда Иисус спрашивал у человека: «Хочешь ли исцелиться?» — и этот вопрос — далеко не праздный. По свидетельству врачей, некоторым пациентам тяжело даже представить себе жизнь, свободную от болезненного состояния. Молясь об исцелении, как и в любом другом прощении, мы должны искренне раскрыть суть проблемы и высказать Богу желание нашего сердца.

Из книги «Молитва. Способна ли молитва изменить жизнь?»

ПРИКАСАЯСЬ К ПУСТОТЕ

Меня немного утешает тот факт, что практически все титаны духа говорят о темной ночи души. Иногда она проходит быстро, иногда же затягивается на месяцы и даже годы. Хотел бы я найти хотя бы одного человека, не свидетельствующего о прохождении через период засухи. Тереза Авильская провела двадцать лет, почти не молясь, а затем в ее жизнь пришел прорыв, и в результате она стала великим молитвенным воином. Уильям Купер переживал в своей молитвенной жизни такие времена, когда он думал, что умрет от избытка радости, однако позже он описывал себя «изгнанным из Божьего присутствия в такую даль, по сравнению с которой восток от запада не отстоит вообще».

Религиозное радио и телевидение, как и большинство книг и журналов, мало говорят о Божьем молчании. Если верить им, то Бог говорит без умолку, повелевая этому Своему служителю построить новое церковное здание, а той домохозяйке — начать бизнес в интернете. Бог олицетворяет успех, приятные чувства, ощущение мира, теплое сияние. Для аудитории, которую потчуют такими вдохновляющими историями, столкновение с Божьим молчанием — это что-то шокирующее, из ряда вон выходящее, вызывающее чувство неполноценности.

Однако, в действительности, нечто из ряда вон выходящее — это радостный оптимизм современной потребительской веры. На протяжении столетий христиане узнавали, что ожидает их в духовном странствии, у неуклюжего паломника из «Путешествия Пилигрима», из книги «Темная ночь души» Иоанна Креста и бросающего вызов трактата «О подражании Христу» Фомы Кемпийского. Один из наставников, наиболее открыто писавших о Божьем присутствии, — Брат Лоренс — формулировал свои мысли, моя посуду и чистя туалеты.

Если я переживаю период духовной засухи, тьмы или пустоты, то должен ли я перестать молиться, пока молитва не обретет новую жизнь? Каждый из духовных гигантов решительно заявляет: «Нет!» Если прекращу молиться, то как я узнаю, когда молитва вновь оживет? И, как обнаружили многие христиане, от привычки не молиться избавиться гораздо сложнее, чем от привычки молиться.

Из книги «Молитва. Способна ли молитва изменить жизнь?»

ПРИВКУС ПОЗОРА

Благодать, как и вода, всегда течет вниз, к самому низкому месту, и я не знаю никого, кто воплощает этот принцип лучше, чем Джон Ньютон, — автор, наверное, самого популярного гимна всех времен. Несмотря ни на что, его песня «О, благодать», написанная около 230 лет назад, живет и по сей день.

Оказавшись против своей воли на службе в Королевском флоте, Джон Ньютон вскоре был изгнан оттуда за неповиновение и занялся работоторговлей. Выделяясь своей склонностью к сквернословию и богохульству даже на фоне окружавших его негодяев, Ньютон служил на невольничьем судне в течение самых мрачных и жестоких дней трансатлантической работоторговли и, в конце концов, дослужился до капитана.

В результате драматического обращения к Богу прямо в открытом море, он стал на путь благодати. После того, как Ньютон получил богословское образование, Англиканская церковь направила его пастором в одну из общин. Во всем, что последовало дальше, его никогда не покидало ощущение, что он всего этого не заслуживает. Впрочем, Ньютон и не отвергал это чувство. Вскоре после переезда в английскую деревню Олни он написал в своем дневнике: «Ты даровал отступнику имя и место среди Своих детей, призвав язычника к служению Евангелия».

Под наставничеством таких светил, как Джон Уэсли и Джордж Уайтфилд, Ньютон стал ревностным проповедником Евангелия, а со временем — одним из лидеров движения аболиционистов. Он подружился с молодым поэтом по имени Уильям Купер и поддерживал его в периоды его психического расстройства и после попыток суицида. Кроме того, он в определенном смысле был духовным наставником известного политика Уильяма Уилберфорса, убеждая последнего не сдаваться в его сорокалетней борьбе за отмену рабства в Британской империи. Ньютон и сам выступил перед Парламентом, дав неоспоримое свидетельство очевидца всех ужасов и аморальности работоторговли.

В течение своей жизни Ньютон сталкивался с противлением, насмешками и домыслами. Некоторые высмеивали его пыл евангелиста, другие же обвиняли его в том, что он больше усугубляет, чем облегчает страдания его друга Уильяма Купера. Находились и те, кто насмеялся над «крестовым походом» за отмену рабства, считая его лишь попыткой изгладить вину за прошлое. Ньютон не пытался защищаться, относя любое свое доброе качество к заслугам Божьей благодати. Тем самым он стал продолжателем библейской традиции, когда великими героями веры становились убийца и прелюбодей (царь Давид), предатель (апостол Петр) и гонитель христиан (апостол Павел). Благодать всегда имеет привкус предшествующего ей позора.

*Предисловие к книге «Джон Ньютон:
Был мертв, и чудом стал живой»*

ГЛАВНЫЙ СЛУГА

В городке Плейнс, штат Джорджия, до сих пор можно увидеть государственный многоквартирный дом, в котором когда-то жил Джимми Картер. Поднявшись от столь скромных корней, в 1976 году он стал самым влиятельным в мире человеком.

Впрочем, за головокружительным взлетом последовало не менее стремительное падение. Проиграв на выборах 1980 года Рональду Рейгану, Картер вернулся в Плейнс совершенно разбитым. Над ним насмеялись соратники-демократы, а по данным некоторых опросов, его называли наихудшим из всех президентов США. Вдобавок ко всему, семейный бизнес Картера, замороженный в течение его президентского срока, накопил долг в миллион долларов.

На таком шатком основании он и начал строить заново свою жизнь. Написав книгу, чтобы рассчитаться с долгами, он основал в Атланте «Центр Джимми Картера» для реализации программ, в будущее которых верил. Его демократический проект занялся мониторингом выборов по всему миру. Благодаря поддержке Картера обрела известность общественная организация «Habitat for Humanity». Фонд Картера направил свои усилия на борьбу с тяжелыми заболеваниями, от которых страдали бедные страны, мобилизовав для решения проблемы силу долларов и знаний экспертов. Благодаря тому, что Картер делал сильный акцент на защиту прав человека, многие развивающиеся страны увидели в нем выдающегося лидера.

Если на выходных Картер был в своем городе, то он обязательно преподавал в воскресной школе. Переверните подносы для пожертвований в баптистской церкви «Маранафа», и вы увидите выгравированные инициалы «Дж. К.». Бывший президент изготовил их в своей столярной мастерской, и еще он собственноручно сделал шкафчик под телевизор для воскресной школы. Каждый месяц он по графику стрижет газоны вокруг церковного здания, а его жена Розалин тем временем делает уборку в туалетах внутри.

Картер вновь обрел доброе имя. Он по-прежнему на «ты» с мировыми лидерами и пользуется уважением и вниманием, где бы он ни появлялся. И, — поразительная перемена! — сегодня Картер — в числе самых уважаемых президентов, и если бы кто-то решил устроить соревнование на звание лучшего экс-президента США, то он без труда занял бы первое место. В то время, как другие, покидая Белый Дом, наслаждались гольфом и выгодами из своего статуса знаменитости, Картеры посвятили себя служению. Результаты приводят на память, наверное, наиболее часто цитируемые слова Иисуса, записанные в Евангелиях: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее».

*Авторская колонка в журнале «Христианство сегодня»,
21 мая 2002 года*

ВРЕМЯ СМЕЯТЬСЯ

Как выразился поэт Уистен Хью Оден, человеческий род от животного мира отличает по меньшей мере три черты: мы трудимся, смеемся и молимся. Как по мне, этот перечень Одена дает четкую канву для самоанализа.

С точки зрения *тфуда*, христианам просто нет равных. В конце концов, именно наши предки изобрели протестантскую этику. Фактически, мы ценим трудовую этику настолько высоко, что позволяем ей пожирать все вокруг. Наши церкви похожи на корпорации, наше время молитвы и размышлений над Словом расписано по минутам (в идеале — с помощью компьютерных органайзеров), наши пасторы поддерживают бешеный темп японских администраторов. Работа стала для христиан единственной санкционированной зависимостью.

Искусство *молитвы*, казалось бы, уже должно быть освоено нами досконально, но у меня есть определенные сомнения. Существует искушение превратить молитву в еще одну форму работы, что, возможно, и объясняет, почему в большинстве церквей молитвы в основном ходатайственные. Мы очень редко останавливаемся, чтобы послушать.

Я обратил внимание, что библейские молитвы (как видно, например, в Псалмах) обычно бессистемные, повторяющиеся и неструктурированные. Они напоминают скорее разговоры в парикмахерской, чем список необходимых покупок. Я учусь форме молитвы у католиков, которые больше других воспринимают ее как акт поклонения. На удивление, для тех, кто практикует ее ежедневно (Томас Мертон, Маркрина Видеркер, Джерард Мэнли Хопкинс, Тереза Авильская), молитва меньше всего похожа на рутинную работу, а больше — на нескончаемую беседу.

Что же касается третьей составляющей в триаде Одена — *смеха*, — то здесь христиане плетутся в хвосте у всего остального мира. Как отметил Клайв Льюис, у христиан есть большое преимущество перед другими людьми: они не менее падшие и в не меньшей степени обречены жить в падшем мире, но они *знают*, что они — падшие творения в падшем мире. По этой причине, думаю, мы не имеем права забывать, как смеяться над самими собой. Пародируют только то, что уважают, равно как и богохульствуют только тогда, когда верят.

На мой взгляд, смех в действительности имеет много общего с молитвой. И в том, и в другом случае мы находимся в равном положении, открыто признавая себя падшими творениями. Мы воспринимаем себя менее серьезно. Мы размышляем о том, кто мы есть. Труд разделяет и создает неравенство, смех же и молитва — объединяют.

Из книги «Обнаруживая Бога в неожиданных местах»

В ПОИСКАХ СОВЕРШЕННОЙ ЦЕРКВИ

Не так давно я побывал на конференции, проводимой в Индиане на восстановленной территории одной утопической общины столетней давности. Проводя пальцами по красивой отделке зданий и читая таблички с описаниями повседневной жизни этих искренних верующих, я изумлялся внутренней силе этого движения — одного из нескольких десятков, порожденных американским идеализмом и религиозным рвением.

Впрочем, как мне кажется, в последнее время призывы к совершенствованию уже практически исчезли. Сегодня мы уклонились в противоположном направлении — к своеобразному антиутопизму. Многие церкви организовали группы «12 шагов», которые по определению исходят из *неспособности* своих членов быть совершенными.

Должен признать, я и сам склоняюсь к этому современному веянию. Я замечаю, что у людей гораздо больше способностей к падениям, чем к совершенствованию, и я связал свою судьбу с Евангелием, основанным на благодати. Большинство утопических общин, наподобие той, посреди которой я стоял, сохранились только в виде музеев. Перфекционизм по-прежнему налетает на барьерный риф первородного греха.

Как можем мы придерживаться в церкви идеала святости, должного стремления к жизни по наивысшим стандартам, избегая последствий разочарования, мелочности, злоупотребления властью, духовной гордости и лицемерия?

Или задам обратный вопрос. Как можем мы, современные люди, делающие акцент на поддержке со стороны общины (и никогда — на осуждении), ранимости и самоанализе, удержаться от искушения метить слишком низко? Индивидуалистическое общество Америки находится в постоянной опасности злоупотребления свободой, а ее церкви — злоупотребления благодатью.

Держа в уме все эти вопросы, я читаю новозаветные послания. Меня отчасти утешает тот факт, что Церковь бросало из стороны в сторону уже в I столетии. Она уклонялась то в перфекционистское законничество, то в радикальный антиномизм. Об одной из этих крайностей писал Иаков, о другой — Павел. Каждое послание содержит четкий корректирующий акцент, но все они подчеркивают двойственный характер Евангелия. Говоря иначе, церковь должна быть сообществом людей, которые одновременно стремятся к святости и успокаиваются в благодати, которые осуждают себя, а не других, которые полагаются на Бога, а не на себя.

Церкви по-прежнему бросает из стороны в сторону. Кто-то уклоняется в одну сторону, кто-то — в другую. Но, читая послания, я жажду увидеть церковь типа «и, и», потому что я видел слишком много общин «или, или».

Из книги «Обнаруживая Бога в неожиданных местах»

НАДЕЖДА ОТ ЕВРЕЙСКОГО ЭКСТРЕМИСТА

Нам нужны обнадеживающие истории. Мы с такой легкостью осуждаем церковь, организовавшую крестовые походы, и ислам, ограничивающий права женщин, но намного ли большего прогресса мы достигли сегодня сами в том, чтобы творить добро и принимать справедливые решения?

Из всех прочтенных мной за последнее время книг о «столкновении цивилизаций» одна вселяет надежду. Это — «У входа в Эдемский сад: Еврей в поисках Бога вместе с христианами и мусульманами в Святой Земле», которую написал Йосси Кляйн Халеви.

На первый взгляд, Халеви — не самый подходящий кандидат на то, чтобы зажечь огонек надежды. Выросший в Бруклине среди ортодоксальных евреев, переживших холокост (его отец прошел через тюрьму в Венгрии), он впитал с детства страх перед христианами.

Осмелев после переезда в Израиль, Халеви начал размышлять о двух основных израильских меньшинствах: христианах и мусульманах. Подстегиваемый одновременно журналистским интересом и жадной духовного поиска, он начал изучать жизнь своих соседей.

Халеви предлагает модель человека определенной веры, который учится уважать тех, кто видит мир совершенно по-другому, без уклонения в расплывчатую всетерпимость по принципу «приемлемо все». Вот его размышления об Иисусе:

Евреям нужно примириться с Иисусом. Мы до сих пор злимся на него и боимся его. Мой отец всегда обвинял Иисуса во всех наших бедах, но до тех пор, пока мы опять не примем его, как брата, мы и дальше будем относиться к христианству как к чему-то неистинному. Иисус стал божественным инструментом осуществления цели евреев: распространения Божьего Слова по всему миру. Благодаря Ему, я говорю на общем духовном языке с половиной человечества.

Далее Халеви отмечает, что ему хотелось бы, чтобы сегодня в Израиле появился кто-нибудь, похожий на Иисуса: еврей-пророк, который взялся бы за религиозных бюрократов; пламенный верующий, который, тем не менее, проповедовал о любви и прощении. Если человек, называющий себя «еврейским экстремистом», смог прийти к таким выводам, то, возможно, для Ближнего Востока еще не все потеряно.

Статья «Разговор про книги об исламе и Ближнем Востоке», Филип Янси и Джон Уилсон, в журнале «Books and Culture», июль/август 2002 года

ЗДОРОВОЕ НАЧАЛО

Во время поездки в Индию я гостил у человека, который действительно любит эту страну — доктора Пола Бренда, прожившего там почти полжизни. Он организовал для меня незабываемый тур по индийским медицинским учреждениям.

В некоторых отношениях медицина в Индии мало чем отличается от ситуации в США и Европе, однако за пределами городов, в миллионе индийских деревень работа медиков — это сплошной подвиг. Что, например, может сделать врач с обезвоженными жертвами холеры, если поблизости нет стерилизованной воды? Все просто: он вешает вместо капельницы свежий кокос. Глюкозная смесь внутри герметичного плода такая же стерильная и почти такая же питательная, как любое средство со склада медпрепаратов. И все же, несколько странно видеть, как длинная резиновая трубка извивается от руки пациента к блестящему, зеленому кокосу.

За клиникой Христианского медицинского колледжа в Веллоре закрепились репутация одного из лучших медучреждений в Азии. Чтобы студенты не были оторваны от жизненных реалий, колледж построил отдельное здание — точную копию сельской больницы с глинобитными стенами и соломенной крышей для имитации условий работы врачей в деревне. Теперь все студенты ХМК обязательно проходят обучение в этой больнице, используя только медицинские средства, доступные в отдаленных индийских селениях.

Кроме того, колледж организует регулярные выезды в дальние деревни. В установленный день автобус ХМК переправляет молодых врачей и ассистентов в какое-нибудь селение, где они дружно устанавливают осмотровые столы и приступают к повседневной работе медиков: делают инъекции и несложные операции, накладывают шины и т.п. Так, тысячи пациентов ежемесячно получают медицинскую помощь прямо у себя в деревнях.

О плодах двухвекового верного труда миссионеров красноречиво говорит статистика: из миллиардного населения Индии христианами себя называют менее 3 процентов, однако христиане обеспечивают более 18 процентов здравоохранительного сектора страны.

Несмотря на многие неуклюжие ошибки первых миссионеров, христиане даровали Индии благословенное наследие образования и медицины. Если вы скажете индийскому крестьянину, который, возможно, никогда и не слышал об Иисусе Христе, слово «христианин», то, скорее всего, у него перед глазами сразу же предстанет больница или медицинский автобус, который раз в месяц приезжает в деревню, чтобы оказать бесплатную, персональную помощь во имя Христа. Конечно, это — не совсем Евангелие, но и неплохое начало.

Из книги «Я просто интересуюсь»

БОЖЬЕ ЛИЦО

Мой писательский труд, в основном, вращается вокруг проблемы страданий. Я снова и снова возвращаюсь к одним и тем же вопросам, словно прикасаюсь пальцами к старой ране, которая никогда до конца не заживает. Я получаю отклики от читателей моих книг, и их наполненные болью истории придают моим сомнениям человеческое лицо.

Помнится, на протяжении одной недели мне позвонили два человека, чтобы поделиться, как они переживают разочарование в Боге. Один из них был молодежным пастором в Колорадо, и он только что узнал, что его жена и маленькая дочь умирают от СПИДа. «Как я могу говорить со своей молодежной группой о Божьей любви?» — спросил он. Другой позвонивший был слепым. Несколькими месяцами ранее он из милости пригласил пожить у себя дома мужчину, который проходил реабилитацию от наркозависимости, и вот, недавно он узнал, что постоялец завел любовную связь с его женой — прямо под крышей его дома. «Это выглядит так, как будто Бог наказывает меня за то, что я пытаюсь Ему служить», — сказал он. В этот момент у него закончились монеты, таксофон прервал связь, и он не перезвонил.

Я научился даже не пытаться ответить на все «почему?» Почему жене молодежного пастора попался флакон с зараженной кровью? Почему торнадо разрушил один город в Оклахоме и обошел стороной другие? Почему доска скейтбордиста ударила в парке именно ребенка конкретной женщины? Почему ответ приходит лишь на немногие из миллионов молитв об исцелении?

Впрочем, один вопрос меня уже не гложет, как когда-то, и этот вопрос: «Есть ли Богу до всего этого дело?» Я знаю единственный способ ответить на него, и для меня он оказался решающим. Ответ — это Иисус. В Иисусе Бог показал нам Свое лицо. Если вы хотите знать, как Бог относится к страданиям на этой стенающей планете, взгляните на это лицо. Иисус отнюдь не решил проблему страданий. Он исцелил лишь немногих в небольшом уголке земного шара, но Он наглядно продемонстрировал ответ на вопрос: «Есть ли Богу до этого дело?»

*Из статьи «Что я значу для Бога? Есть ли Ему до меня дело?», в журнале «Христианство сегодня»
22 ноября 1993 года*

ПАРИ

Не абсурдно ли считать, что одно человеческое существо — крошечная точка на крошечной планете — может изменить ход истории целой вселенной? Другьям Иова именно так и казалось. Тем не менее, первые и завершающие главы Книги Иова свидетельствуют о том, что Бог был сильно впечатлен реакцией одного человека, и на кону оказались вопросы вселенной. (Позже, в слове, обращенном к пророку Иезекиилю, Бог с гордостью укажет на Иова, назвав его одним из Своих любимцев наряду с Даниилом и Ноем.)

Пример Иова, изображенный в резких контрастах, показывает, как жизнь на земле влияет на вселенную. Я пришел к убеждению, что сцена с пари в первой главе (где сатана заявляет о том, что в трудные времена люди быстро оставляют Бога, и Бог, приняв этот вызов, позволяет испытать Иова) содержит послание о великой надежде для каждого из нас. Пожалуй, в этом и заключается самый сильный и непреходящий урок Книги Иова. Результат этого пари — решительное подтверждение того, что вера одного человеческого существа, безусловно, имеет очень большое значение. Иов доказал важность нашей реакции на испытания. Вся история человечества (и, по сути, моя собственная история веры) заключена в рамках великой драмы истории вселенной.

Библия пестрит намеками на то, что пари, подобные описанному в Книге Иова, разыгрываются также и в жизни других верующих. Мы у Бога — главное наглядное пособие, Его экспонат для демонстрации силам в невидимом мире. Апостол Павел изобразил себя выставленным на всеобщее обозрение: «Мы сделали позорищем для мира, для ангелов и человеков», — после чего добавляет потрясающее: «Разве не знаете, что мы будем судить ангелов?»

Мы, люди, населяем сухую пылинку: планету на дальней окраине спиралевидной галактики — одной из миллиона миллионов подобных же галактик в обозримой вселенной, — однако Новый Завет доказывает, что происходящее здесь с нами, в действительности, помогает определить будущее этой вселенной. «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божьих», — убежденно подчеркивает Павел. Физическое творение, «стенающее» в муках и тлении, может быть освобождено только преобразованием человеческих существ.

Из книги «Разочарование в Боге»

ВНЕ ВРЕМЕНИ

Осознание нашей безнадежной зависимости от времени помогает нам понять, почему Бог не ответил на «почему?» Иова. Вместо этого Он резко указал на несколько фундаментальных фактов вселенной, которые Иов вряд ли мог охватить, и предупредил: «Предоставь все остальное мне». Наверное, Бог держит нас в неведении потому, что ни Иов, ни Эйнштейн, ни мы с вами не в состоянии постичь «вид сверху».

Мы не можем понять, какие «правила» применять к Богу, Который живет вне времени в нашем понимании и все же иногда входит в это время. Подумайте о том, какая путаница окружает слово «предвидение». Знал ли Бог заранее, что Иов останется верным Ему, и Он выиграет пари? Если да, то разве это — настоящее пари? А как насчет природных бедствий на земле? Если Бог знает о них заранее, то кого тогда обвинять, если не Его?

Тем не менее (и это, пожалуй, — основная мысль, заключенная в решительной речи Бога к Иову), мы не можем применять к Богу свои упрощенные правила. Суть проблемы вскрывает уже само слово «предвидение». Строго говоря, Бог не видит наши поступки «заранее». Он *просто видит*, как мы их совершаем, в Своем вечном настоящем. Каждый раз, пытаясь представить Божью роль в конкретно взятом событии, мы неизбежно смотрим «снизу вверх» и судим о Божьем поведении по изменчивым стандартам подвластной времени нравственности. Но однажды мы, возможно, увидим проблемы вроде: «Виноват ли Бог в крушении того самолета?» — совершенно в ином свете.

Давние споры Церкви о *предвидении* и *предопределении* иллюстрируют наши неуклюжие попытки постичь то, что имеет смысл только для нас, живущих во времени. В другом измерении мы, вне всякого сомнения, увидели бы подобные вопросы совершенно по-другому. Библия гласит, что Христос был «предназначен еще прежде создания мира», то есть еще до Адама, грехопадения, а значит — и самой необходимости в искуплении. Также нам сказано, что благодать и вечная жизнь даны нам «во Христе Иисусе прежде вековых времен». Как о чем-то можно говорить, что оно происходило «*прежде* вековых времен»? Еще до сотворения времени Бог предусмотрел искупление падшей планеты, которой еще даже не существовало! Но когда Он «вошел» во время, Божьему Сыну пришлось жить и умереть по правилам нашего ограниченного временем мира.

Из книги «Разочарование в Боге»

ТРАГИЧЕСКИЕ УРОКИ

К студентам Виргинского политехнического института...

Я хотел бы сказать, что боль, которую вы ощущаете, исчезнет, растворится и никогда не вернется. Однако случившееся 16 апреля 2007 года навсегда останется с вами. Из-за этого дня и действий одного обозленного юноши вы теперь никогда не будете такими, как раньше.

Поэтому я не могу сказать то, что хотел бы — что все это пройдет. Вместо этого я указываю на боль, которую вы испытываете сейчас и будете испытывать в будущем, как на признак жизни и любви. У меня на шее — ортез, потому что я сломал ее в автокатастрофе. Когда я лежал привязанным к жестким носилкам, мне в первые несколько часов отказывались давать обезболивающее, потому что им нужно было следить за моими реакциями. Доктор постоянно проверял меня. Он двигал мои конечности и спрашивал: «Так больно? Ты чувствуешь это?» Правильным ответом, который отчаянно хотели услышать мы оба, было: «Да. Больно! Я чувствую это!» Любое ощущение подтверждало, что мой спинной мозг не поврежден. Боль была свидетельством жизни, взаимосвязи органов, признаком, что мое тело остается целостным.

В скорби любовь и боль неразделимы. Юноша по имени Чо не чувствовал скорби, расстреливая ваших товарищей, потому что он не испытывал любви к ним. Вы ощущаете эту скорбь потому, что между вами и погибшими была взаимосвязь. Убитые принадлежали к тому же телу, что и вы. Когда страдает тело, страдаете и вы. Помня об этом, преодолевайте скорбь, а не просто пытайтесь приглушить. Соглашайтесь с ней, как с признаком жизни и любви.

Я призываю вас довериться Богу, Который может исправить то, что сейчас кажется непоправимым. За десять дней до стрельбы в этом месте христиане по всему миру вспоминали о самом мрачном дне в истории человечества — дне, в который злые люди яростно восстали на Божьего Сына и убили единственного действительно невиновного Человека из всех, когда-либо живших. Однако мы вспоминаем этот день не как мрачную пятницу, трагическую пятницу или пятницу отчаяния, но называем ее Благой пятницей. Этот ужасный день привел к спасению мира и Пасхальному воскресенью.

*Проповедь «Где Бог, когда я страдаю?»
в политехническом институте Вирджинии
через две недели после массового убийства студентов,
журнал «Христианство сегодня», июнь 2007 года*

СОХРАНЯЯ ВЕРУ

Последние несколько стихов Евреям 10 открывают многое о первоначальных читателях этого послания. Обращение ко Христу принесло им немало бед: конфискацию имущества, публичные оскорбления и даже тюремное заключение. В первые дни они принимали подобные гонения охотно и даже с радостью, однако с ходом времени испытания не прекращались, и некоторые из верующих начали впадать в уныние.

Этим разочарованным людям Евреям 11 дает вдохновляющее напоминание о том, что такое «истинная вера». Порой нас постигает искушение относиться к вере, как к какой-то магической формуле: мол, набрав достаточное ее количество, ты станешь богатым и здоровым, будешь доволен жизнью и автоматически получать ответы на все свои молитвы. Однако читатели Послания к Евреям обнаружили, что действительность не соответствует таким стройным формулам. В качестве доказательства, автор послания потрудился рассмотреть жизнь некоторых гигантов веры Ветхого Завета (кто-то даже окрестил Евреям 11 «Залом славы веры»).

«А без веры угодить Богу невозможно», — без обиняков заявляет Послание к Евреям, однако его автор использует для описания этой веры особые слова: «будем держаться», «неуклонно», «терпение». Благодаря своей вере, некоторые герои достигали победы: прогоняли полки врагов, избегали острия меча, заграждали уста львов, — но других ожидал менее счастливый конец: они испытали побои и узы, были побиваемы камнями и перепиливаемы. Эта глава завершается словами: «И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного...»

Картина веры, представленная в Евреям 11, не укладывается в какую-то простую формулу. Иногда вера ведет к победе и триумфу, иногда она требует твердой решимости «держаться любой ценой». Эта глава из Послания к Евреям не возвышает один вид веры над другим. Оба они покоятся на том убеждении, что Бог полностью контролирует все происходящее и, безусловно, сдерживает обещания — будь то в этой жизни или в грядущей. О таких людях Послание к Евреям говорит: «Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город».

Из книги «Знакомство с Библией»

«Неужели религии чем-то разнятся друг от друга? — спрашивает скептик. — Разве не самое главное — быть искренним в том, во что ты веришь?» Подобные «современные» вопросы, на самом деле, обсуждались тысячелетиями. Послание к Евреям написано в ответ тем людям из ранней церкви, которые разрывались между иудейской религией и новой верой христианства.

Некоторые предпочитали держаться привычных устоев иудаизма, за которыми стояли вековые традиции. В этом было и еще одно преимущество: евреи тех дней пользовались официальным покровительством Рима, в то время как христиане подвергались гонениям. Стоила ли вера в Христа того, чтобы рисковать?

Послание к Евреям настаивает на существовании убедительных причин избрать Христа. Вся эта книга вращается вокруг слова «лучше». Иисус лучше ангелов, Моисея и ветхозаветного служения — лучше всего, что может предложить этот мир.

Но даже после порыва глубокой теологии, построенной на Псалмах, автор Послания к Евреям (его личность нам неизвестна) останавливается и как бы переосмысливает сказанное: «Ныне же еще не видим, чтобы все было ему покорено». Может ли, на самом деле, мир, в котором христиан арестовывают, пытаются и бросают в тюрьму, быть покоренным Христу?

Начиная с этого момента, автор послания объясняет, почему так важно, что Бог сошел в этот мир и стал человеческим существом. Вместо того, чтобы каким-то волшебным образом устранить все человеческие проблемы, Он подверг Себя тем же испытаниям, с которыми сталкивается каждый из нас. Послание к Евреям, разъясняя суть человеческой природы Иисуса, идет дальше любой другой книги Нового Завета.

Глава 2 показывает две веские причины прихода Иисуса на землю. Во-первых, умерев, Он освободил нас от власти смерти и завоевал для нас вечную жизнь. И, во-вторых, пережив обычные человеческие искушения, Иисус может лучше помочь нам в наших собственных искушениях.

Все это не смогли бы сделать ни ангелы, ни Бог высоко на небесах. Иисус, по сути, пришел с миссией спасения, чтобы освободить человечество от рабства. Вне Христа мы живем в постоянном страхе смерти и в постоянном рабстве своих неудач или грехов. Только Иисус может освободить нас. Вот почему Он достоин того, чтобы рисковать.

Из книги «Знакомство с Библией»

БРЕМЯ ЗА НАРОД

Во время поездки в Японию случилось так, что я оказался поздним вечером в кабинете пастора одной из крупнейших церквей Токио. Прилетев рано утром, я уже успел выдержать множество встреч в течение этого утомительного дня. Поэтому хотелось только одного: побыстрее добраться до гостиницы и лечь спать, — однако правила японского гостеприимства требовали еще и этого визита вежливости.

Достав стопку бумаг, пастор через переводчика сказал мне, что за долгие годы, пока он несет свое служение, ему не давал покоя один вопрос, который он боялся с кем-либо обсудить.

В течение следующих 20 минут он без остановки изливал мне ту боль, которую он испытывал в отношении 99 процентов японцев, не принявших Иисуса. Неужели из-за своего невежества все они будут гореть в аду? Этот пастор слышал о богословах, которые верят, что у людей есть второй шанс после смерти, и знал загадочный отрывок из 1 Петра о том, что Иисус проповедовал духам в преисподней. Некоторые теологи, книги которых он читал, явно верили в универсальное спасение, хотя определенные отрывки из Библии явно свидетельствуют об обратном. Мог ли я дать этому пастору какую-то надежду?

Начав размышлять вслух, я напомнил, что Бог повелевает солнцу всходить и над добрыми, и над злыми, и что Он не желает, чтобы кто-то погиб. Божий Сын на земле потратил остаток Своих сил на молитву о Его врагах. Мы обсудили взгляд на ад в интригующей фантазии Клайва Льюиса «Расторжение брака», где люди вроде Наполеона получили второй шанс после смерти, но пренебрегли им. «Да будет твоя воля», — неохотно говорит Бог тем, кто отверг последнюю возможность.

«Я не знаю ответ на ваши вопросы, — сказал я в конце концов, — но я твердо уверен, что в конце времен никто не сможет стать пред Богом и заявить: ‘Ты был несправедлив!’ Как бы ни повернулась история, она примет сторону справедливости, уравновешенной милостью».

Подобно Иову, я пришел к этому заключению не путем наблюдений или споров, а после неожиданной встречи. «Правда ведь, Бог сможет понять мои сомнения в таком мире, как наш?» — спросил Этти Гиллесум, голландский заключенный нацистского концлагеря. Я верю, что Бог так и сделает, и отчасти — потому что Его откровение для нас включает выражения, красноречиво демонстрирующие эти же сомнения.

Из книги «Молитва. Способна ли молитва изменить жизнь?»

УДАР ТРАГЕДИИ

«Господи! К кому нам идти?» — спросил апостол Петр в момент замешательства. Многим для того, чтобы возник подобный вопрос, требуется удар судьбы. Это случилось в Литтлтоне, штат Колорадо, в школе, расположенной недалеко от моего дома.

Священнослужители, родители, школьная администрация и все, кого затронули эти события, до сих пор спрашивают: «Почему?» — и ни у кого нет ответа. Элемент зла в этой конкретно взятой трагедии, когда переполненные ненавистью, расистски настроенные подростки расстреливали своих товарищей из автоматического оружия, настолько велик, что никто открыто не связывает ее с Богом.

Нужно жить в Колорадо, чтобы получить ответ на другой вопрос, поставленный этой трагедией: «Может ли из подобного ужаса получиться хоть что-то доброе? Может ли это быть как-то искуплено?» Нужно посетить Клемент-Парк и самому прочесть надписи на крестах, оставленные людьми со всего мира. Нужно было побывать в церквях, заполненных скорбящими людьми даже спустя недели после трагедии. Нужно было увидеть передачу «Дневное шоу», в которой Крейг Скотт, брат погибшей школьницы, положил руку на плечо отца еще одного убитого школьника, утешая его так, что телеведущая, не выдержав, разрыдалась в прямом эфире. Нужно было слышать друзей Кесси Бернал, описывающих, как мужественно она себя вела, когда убийца направил ей в голову ствол и спросил: «Ты веришь в Бога?» — «Да, — ответила она, — и тебе надо стать на Божий путь». Это были ее последние слова на земле. Нужно было слышать подружку еще одного убитого, которая с невинностью надежды и надеждой на невинность сказала: «Я знаю, что мы с ним еще увидимся, и меня это очень утешает». Нужно было посетить пятый класс одной школы, где учительница опустилась вместе с учениками на колени, подняла руки к небу и начала вслух молиться (и на этот раз UCLA — Американский союз гражданских свобод — не посмел ничего возразить). В других школах Денвера учителя просили прощения у своих классов за то, что скрывали, что они — христиане, и приглашали учеников встретиться с ними после занятий, чтобы помочь осмыслить трагедию.

Из зла может получиться доброе.

*Авторская колонка в журнале «Христианство сегодня»,
14 июня 1999 года*

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

С точки зрения своего «сюжета», окончание Библии во многом перекликается с ее началом. Разрушенные взаимоотношения между Богом и людьми наконец восстановлены, а проклятие, записанное в Бытие 3, снято. Заимствуя образы из Эдемского сада, Откровение изображает реку и дерево жизни, однако теперь вместо антуража сада мы видим великий город, наполненный поклоняющимися Богу. И никогда больше смерть или печаль не омрачит эту сцену.

Иоанн видит небеса, как осуществление мечты всех евреев: Иерусалим восстановлен, его стены — из яшмы, а улицы — из сверкающего золота. Для кого-то другого (скажем, эмигрантов из развивающихся стран) небеса могут олицетворять воссоединение семьи и дом, изобилующий пищей и свежей питьевой водой. Небеса — это исполнение всякой настоящей мечты.

Книга Откровение обещает, что наши заветные мечты — это не просто фантазии. Они осуществляются. Когда мы проснемся под новым небом на новой земле, у нас наконец-то будет все то, о чем мы так мечтали. Каким-то образом, из всех плохих новостей, отраженных в такой книге, как Откровение, возникают новости хорошие: захватывающая Благая весть, обещание бесконечного блага безо всяких оговорок. Вот уж, действительно, — счастливый конец.

В Библии небеса — это не второстепенный элемент и не идея, в которую можно верить, а можно и нет. Это — окончательная реабилитация всего творения. Никогда не умаляя серьезность человеческой трагедии и разочарования, Библия (существует ли более откровенная книга, чем она?), однако, добавляет одно ключевое слово: «временные». То, что мы чувствуем сейчас, мы будем чувствовать не всегда. Наступит время восстановления.

Для тех, кто оказался застигнутым страданиями или у кого разрушена семья, или кто оказался посреди экономических невзгод или пребывает в страхе, — для всех них, для каждого из нас небеса обещают будущее, гораздо более продолжительное и реальное, чем дни, проведенные нами на земле. Это будет время здоровья и целостности, радости и мира. Библия начинается с этого обещания в книге Бытие, и заканчивается этим же обещанием — гарантией будущей реальности. Конец станет началом.

Из книги «Знакомство с Библией»

МОЛОДАЯ ЛУНА ВО ВСЕЛЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

Используя в качестве отправной точки Тору, Иисус продвинул закон в том же направлении — гораздо дальше, чем его осмеливался продвинуть любой фарисей, и до такого уровня, о котором не мог помыслить ни один из живущих по нему монахов. Нагорная проповедь явилась, словно молодая луна во вселенной нравственности, сила притяжения которой с того момента неизменно влияла на наш мир.

Иисус указал на невозможность исполнить закон, а затем обязал нас соблюдать его. Рассмотрим несколько примеров...

Во всех людских сообществах в истории был какой-нибудь закон против убийств, однако ни одно из них не додумалось до чего-либо подобного расширенному определению убийства, данного Иисусом: «А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду... а кто скажет: ‘безумный’, подлежит геенне огненной».

Также, в каждом обществе существуют табу на сексуальную распущенность, однако ни одно из обществ никогда не предлагало правил, равносильных по строгости словам Иисуса: «А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну».

Я слышал призывы к кастрации серийных насильников, но ни разу не слышал, чтобы кто-то предлагал уродовать лицо из-за похоти. Еще бы! Похоть в Америке — это признанная национальная забава, прославляемая в рекламе джинсов и пива, в ежегодном выпуске журнала «Sports Illustrated», посвященном купальникам, и в продаваемых каждый месяц двадцати миллионах экземпляров порнографических журналов. «Как режут современные уши слова о том, что похоть (сексуальное желание, возникающее в нас так же произвольно, как слюна) порочна сама по себе!», — отметил Джон Апдайк.

Я смотрю на эти и другие строгие заповеди Нагорной проповеди и спрашиваю себя: «Как реагировать?» Действительно ли Иисус ожидает, что я буду давать милостыню каждому встречному попрошайке? Должен ли я полностью отказаться от своих прав потребителя? Аннулировать мне свой страховой полис, уповая на то, что Бог позаботится о моем будущем? Выбросить телевизор, чтобы избежать искушений похотью? Каким образом я могу перенести эти этические идеалы в свою повседневную жизнь?

Из книги «Иисус, Которого я не знал»

ПЛАМЯ ИДЕАЛОВ

От русского романиста Льва Толстого я перенял глубокое уважение к нестигаемому, абсолютному Божьему идеалу. Этические идеалы, которые Толстой встречал в Евангелиях, привлекали его, как пламя, хотя, в конце концов, неспособность жить в согласии с ними погубила его. Он стремился исполнять Нагорную проповедь буквально, и вскоре его семья стала жертвой чрезмерного энтузиазма Толстого в поисках святости. Например, прочитав обращенное к богачу повеление Иисуса раздать все, он решил освободить крепостных, отказаться от авторских прав и раздать свое обширное имение. Толстой носил крестьянскую одежду, сам мастерил себе обувь и работал в поле. Его жена Софья, видя, что семья вот-вот останется без средств к существованию, начала гневно протестовать, и, в конце концов, граф пошел на некоторые уступки.

Читая дневники Толстого, я словно возвращаюсь в свое прошлое, когда сам был увлечен перфекционизмом. Эти дневники описывают многие серьезные столкновения графа с его семьей, но гораздо больше — с самим собой. Пытаясь достичь совершенства, он постоянно изобретал все новые правила. Толстой отказался от охоты, курения, алкоголя и мяса. В своем дневнике он набросал: «Правила для развития эмоциональной воли. Правила для развития возвышенных чувств и избавления от низменных». Тем не менее, Толстой никогда не мог достичь того уровня самодисциплины, который был необходим для соблюдения его правил. Он неоднократно давал публичный обет воздержания и просил о раздельных с женой спальнях, однако ему никогда не удавалось сдержать этот обет долгое время, и, к большому стыду графа, шестнадцать беременностей Софьи свидетельствовали об этой неспособности всему миру.

Впрочем, иногда Толстому удавались и очень достойные дела. Например, после долгого перерыва он в 71 год написал свой последний роман «Воскресение» в поддержку духоборов (анабаптистской группы, подвергавшейся гонениям со стороны царя), пожертвовав все вырученные за роман деньги на финансирование их эмиграции в Канаду. Кроме того, философия отказа от насилия, берущая начало непосредственно в Нагорной проповеди, своим влиянием надолго пережила Толстого в таких идеологических преемниках, как Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг.

(Продолжение см. 24 апреля)

Из книги «Иисус, Которого я не знал»

НЕСЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

(Продолжение от 23 апреля)

Полюбым меркам, поиск Толстым святости завершился разочарованием. Говоря кратко, он не смог практиковать то, о чем проповедовал. Это хорошо выразила его жена (хотя и в явно предубежденной манере):

В нем так мало искреннего тепла. Его доброжелательность исходит не от сердца, а лишь из его принципов. В его биографиях вы прочтете, как он помогал работникам носить ведра с водой, но никто никогда не узнает, что он никогда не давал своей жене покоя и никогда за все эти тридцать два года не подал своему ребенку воды и не провел хотя бы пяти минут возле его постели, чтобы дать мне возможность немного отдохнуть от всех моих трудов.

Страстные потуги Толстого достичь совершенства так никогда и не дали ему хоть какое-то подобие мира или безмятежности. Вплоть до самой его смерти, дневники и письма графа снова и снова возвращались к печальной теме неудач, выявляя огромную пропасть между высокими идеалами Евангелия и прискорбными реалиями его жизни.

Лев Толстой был глубоко несчастным человеком. Он резко критиковал русскую православную церковь своих дней, чем спровоцировал отлучение от нее. Все его схемы самосовершенствования потерпели провал. Порой Толстому приходилось прятать в своем поместье веревки и убирать подальше ружья — так он боролся с искушением покончить жизнь самоубийством. В итоге Толстой убежал от своей славы, своей семьи, своего поместья и своей личности, умерев, как бродяга, на глухой железнодорожной станции.

Чему же я мог научиться из трагической жизни Льва Толстого, учитывая все его неудачи? Прочитав многие из его религиозных произведений, я был несомненно вдохновлен его почтением к абсолютному Божьему идеалу. Толстой напоминает нам, что, вопреки заявлениям тех, кто считает Евангелие решением наших проблем, во многих сферах — правосудие, деньги, расовая дискриминация, личные проблемы гордости и амбиций, — Евангелие, в действительности, лишь усугубляет наши бремена. Толстой крайне серьезно относился к вопросу Иисуса: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»

Не так-то легко игнорировать человека, готового освободить своих крепостных и раздать свое имение в простом послушании заповеди Христа. Если бы только Толстой смог жить согласно своим идеалам! Если бы я сам смог жить согласно им!

(Продолжение см. 25 апреля)

Из книги «Уцелевшая душа»

НЕТВЕРДАЯ ПОХОДКА

(Продолжение от 24 апреля)

Своим критикам Толстой отвечал: «Не судите о святых Божьих идеалах по моей неспособности соответствовать им». Не судите о Христе по тем из нас, кто носит Его имя, но далек от совершенства. Один фрагмент из личного письма Толстого особенно наглядно показывает, как он реагировал на подобную критику в конце своей жизни. Здесь подведен итог его духовного странствия: одновременно громкое заявление об истине, в которую он верил всем своим сердцем, и заунывная мольба о благодати, которой он так никогда до конца и не осознал.

«А как насчет вас, Лев Николаевич? Вы очень хорошо проповедуете, но исполняете ли вы то, о чем проповедуете?» Это самый естественный из всех вопросов, и его мне задают постоянно, причем, зачастую, — с торжествующим видом, словно они нашли способ закрыть мне рот. «Вы проповедуете, но как вы живете?» И я отвечаю, что не проповедую, что я неспособен проповедовать, хотя я этого страстно желаю. Я могу проповедовать только своими поступками, а они отвратительны... И я отвечаю, что преступен и отвратителен, и достоин презрения за свою неспособность исполнить их...

Нападайте на меня. Я и сам это делаю, но нападайте лучше на *меня*, чем на путь, по которому я следую, и на который указываю каждому, кто меня спрашивает, где, на мой взгляд, он пролегает. Если я знаю путь домой и иду по нему пьяным, то неужели он становится неправильным из-за того, что я шатаюсь из стороны в сторону? Если этот путь неверен, то покажите мне другой. Если же я спотыкаюсь и сбиваюсь с пути, то вы должны помочь мне. Вы должны вывести меня на истинный путь точно так же, как и я готов поддержать вас. Не сбивайте меня с дороги, не радуйтесь, что я заблудился, не кричите восторженно: «Поглядите на него! Он сказал, что идет домой, но вот, бредет в болото!» Нет, не злорадствуйте, но окажите мне помощь и поддержку.

(Продолжение см. 26 апреля)

Из книги «Уцелевшая душа».

Цитата из книги А. Н. Уилсона «Лев и медовые соты. Религиозная проза Толстого»

ИСТИНА МИНУС БЛАГОДАТЬ

(Продолжение от 25 апреля)

Я читал религиозные произведения Толстого с грустью. Проникающий, как рентген, взгляд в человеческое сердце, сделавший его великим романистом, превратил его в измученного христианина. Толстой всю свою жизнь боролся со встречным течением, подобно лососю на нересте, и в конце концов сломался от морального истощения.

И все же, я признателен ему за то неизгладимое впечатление, которое произвел на меня его непреклонный поиск истинной веры. Впервые с романами Толстого я познакомился в тот период, когда страдал от затяжных последствий «церковного насилия». В церквях, где я вырос, было слишком много подделок (или, по крайней мере, так мне казалось из-за моей юношеской самоуверенности). Видя разрыв между идеалами Евангелия и пороками его последователей, я испытывал мучительное искушение отказаться от этих идеалов как безнадежно недостижимых.

Именно тогда я открыл для себя Толстого. Для меня он стал первым писателем, решившим сложнейшую из задач: сделать добро таким же достоверным и притягательным, как зло. В его романах, сказках и рассказах я нашел источник нравственной силы.

Биограф Толстого, А. Н. Уилсон, отмечает, что «его религия была, по сути, делом Закона, а не Благодати — схемой для совершенствования человека, а не пониманием о Боге, пришедшем в падший мир». В свете Божьего идеала Толстой с кристальной ясностью мог видеть собственное несоответствие этому идеалу, однако он не сделал следующий шаг, доверившись Божьей благодати для преодоления этого несоответствия.

Вскоре после прочтения произведений Толстого я открыл для себя его соотечественника — Федора Достоевского. Эти два наиболее известных и одаренных русских писателя жили и трудились в одну и ту же историческую эпоху. Хотя они с восторгом читали произведения друг друга, Толстой и Достоевский никогда не встречались, и, наверное, — к лучшему. Это были две противоположности. В то время как Толстой создавал светлые, радостные романы, произведения Достоевского наводили на серьезные, глубокие размышления. В отличие от Толстого, выведившего аскетические схемы самосовершенствования, Достоевский время от времени расточал свое здоровье и состояние на алкоголь и азартные игры.

Достоевский, невзирая на многие жизненные ошибки, достиг в своем искусстве потрясающего мастерства. Его романы с толстовской силой говорят о благодати и прощении: самой сути христианского Евангелия.

(Продолжение см. 27 апреля)

Из книги «Уцелевшая душа»

ВТОРОЙ ШАНС

(Продолжение от 26 апреля)

В молодые годы Достоевский буквально вернулся с того света. По приказу царя Николая I его арестовали за участие в заговоре. Чтобы дать почувствовать юным салонным радикалам всю тяжесть своих заблуждений, государь вынес им смертный приговор, однако казнь решил лишь инсценировать. Команда, назначенная для расстрела, стояла с ружьями наготове. Заговорщиков, облаченных в белые погребальные саваны, провели строем по снегу со связанными за спиной руками перед ожидающей зрелища толпой. В самый последний момент, когда уже прозвучала команда «товсь!», и солдаты, лязгнув затворами, подняли ружья, на площадь галопом ворвался верховой гонец с посланием от царя. Смертная казнь была милостиво заменена каторжными работами.

Это переживание произвело на Достоевского неизгладимое впечатление. Он заглянул в лицо смерти, и с того момента жизнь стала для него самым ценным приобретением. «Теперь моя жизнь изменилась, — сказал он. — Я словно еще раз родился в новом виде». Когда его вместе с другими каторжанами сажали на поезд для отправки в Сибирь, какая-то набожная женщина протянула ему Новый Завет — единственную книгу, которую было разрешено читать в тюрьме. Веря в то, что Бог даровал ему второй шанс осуществить его призвание, Достоевский в заключении сосредоточенно изучал Новый Завет. Он вернулся с десятилетней каторги, имея непоколебимые христианские убеждения, о чем написал в письме женщине, подарившей ему Новый Завет: «Если бы мне кто-то доказал, что Христос — это не истина... то я предпочел бы остаться с Христом, а не с истиной».

Каторга предоставила Достоевскому еще одну возможность, которая поначалу казалась проклятием: ему пришлось жить бок о бок с ворами, убийцами и пьяницами-крестьянами. Благодаря тому, что он делил жизнь с преступниками, позже в своих произведениях Достоевский мог создавать неповторимые образы, наподобие Раскольникова из романа «Преступление и наказание». Его либеральные воззрения о врожденной добродетели человека не согласовались с тем беспримесным злом, которое он обнаружил в своих сокамерниках, и эта новая реальность откорректировала его богословие. Впрочем, со временем Достоевский рассмотрел Божий образ даже в самых низменных преступниках. Он пришел к убеждению, что человек обретает способность любить только в том случае, когда любим сам.

(Продолжение см. 28 апреля)

Из книги «Уцелевшая душа»

ДВА ДУХОВНЫХ НАСТАВНИКА

(Продолжение от 27 апреля)

В произведениях Достоевского я встретился с благодатью. Хотя в «Преступлении и наказании» изображен презренный человек, совершивший гнусное преступление, в жизнь Раскольникова входит утешающий бальзам благодати через обратившуюся к Богу проститутку Соню, которая последовала за ним из Сибири и привела его к спасению. В романе «Идиот» Достоевский представляет образ Христа в личности князя-эпилептика. Тихий, загадочный князь Мышкин, находясь в аристократических кругах России, изобличает их лицемерие и в то же время озаряет их жизнь добротой и истиной.

Один из величайших романов, «Братья Карамазовы», противопоставляет блестящего агностика Ивана его набожному брату Алеше. Иван может критиковать ошибки человечества и каждой политической системы, предназначенной для того, чтобы исправлять эти ошибки, но он не может предложить никаких решений. У Алеши нет решений интеллектуальных проблем, поднятых Иваном, но у него есть решение для человечества: любовь. «Мне неведом ответ на проблему зла, — говорит Алеша, — но мне ведома любовь».

Сегодня я считаю этих двух русских своими духовными наставниками. От Толстого я узнал о необходимости заглядывать в себя, в Царство Божье, которое «внутри нас есть». Я вижу, насколько сильно не соответствую высоким идеалам Евангелия. В то же время, от Достоевского я в полной мере узнал о благодати. Во мне не только пребывает Царство Божье, но и обитает Сам Бог. «Когда умножился грех, стала преизобиловать благодать», — так выразил это в Послании к Римлянам апостол Павел.

Для каждого из нас существует единственный способ разрешить противоречие между высокими идеалами Евангелия и жестокой реальностью нас самих: согласиться с тем, что мы не только никогда не достигнем совершенства, но и не должны этого делать. Толстой остановился на полпути. Все, что дает мне чувство успокоенности по отношению к Божьему нравственному стандарту, все, что заставляет меня думать: «Наконец-то, я достиг», — это жестокое обольщение. Достоевский прошел вторую половину: все, что дает мне чувство дискомфорта по отношению к всепрощающей Божьей любви, — это тоже жестокое обольщение. «Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе», — настаивает Павел.

Из книги «Уцелевшая душа»

БЛАГОДАТЬ ДЛЯ ВСЕХ

Абсолютные идеалы и абсолютная благодать... Уяснив это двойственное послание от русских романистов, я вновь обратился к Иисусу и обнаружил, что оно пронизывает все учение Христа, записанное в Евангелиях, и особенно — в Нагорной проповеди. В Своем ответе богатому юноше, в притче о добром самарянине, в Своих комментариях о разводе, деньгах и любых других нравственных вопросах Иисус никогда не умалял Божий идеал. «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный, — сказал Он. — Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим. Ни Толстой, ни Франциск Ассизский — никто не исполнил эти заповеди в совершенстве.

Однако тот же Иисус с нежностью предлагал абсолютную благодать. Он простил прелюбодейку, разбойника на кресте, отрекшегося от Него ученика. Иисус избрал этого ученика-предателя, Петра, в качестве основателя Своей Церкви, а для последующего ее распространения обратился к человеку по имени Савл, прославившемуся тем, что преследовал христиан. Благодать абсолютна, нестигаема, всеобъемлюща. Она распространяется даже на тех, кто прибил Иисуса к кресту. «Отче! Прости им, ибо не знают, что делают», — таковы были одни из последних слов Иисуса на земле.

На протяжении многих лет я чувствовал себя пред лицом абсолютных идеалов Нагорной проповеди настолько недостойным, что не замечал в ней никаких признаков благодати. Однако, как только я понял суть «двойственного послания», вернувшись к этой проповеди, я обнаружил, что она буквально пропитана идеей благодати. Начинаясь с заповедей блаженства (блаженны нищие духом, плачущие, кроткие, алчущие и жаждущие правды...), Нагорная проповедь переходит к Молитве Господней: «Прости нам долги наши... избавь нас от лукавого». Иисус начал Свою великую проповедь нежными словами для тех, кто находится в нужде, и продолжил молитвой, сформировавшей образец для всех групп «12 шагов».

«Живи день за днем», — учат людей в группах анонимных алкоголиков. «Хлеб наш насущный дай нам на сей день», — говорят христиане. Благодать предназначена для тех, кто отчаялся, кто в нужде, кто сломлен — для всех, кто не может справиться в одиночку. Благодать предназначена для каждого из нас.

Из книги «Иисус, Которого я не знал»

СТРАХОВОЧНАЯ СЕТЬ

На протяжении многих лет я относился к Нагорной проповеди, как к идеальной модели человеческого поведения, к эталону, которому вряд ли кто-то может соответствовать. Перечитав ее еще раз, я увидел, что Иисус Своими словами ставил цель не загнать нас в тупик, а показать нам, каков Бог. Суть Нагорной проповеди — это Божий характер.

Почему мы должны любить своих врагов? Потому что наш милостивый Отец повелевает солнцу Своему всходить над злыми и добрыми. Зачем быть совершенным? Потому что Бог совершенен. Зачем собирать сокровища на небесах? Потому что там обитает Отец, Который щедро вознаградит нас. Почему мы должны жить без страха и тревоги? Потому что тот же Бог, Который одевает лилии и полевую траву, пообещал заботиться и о нас. Зачем молиться? Если земной отец дает своему сыну хлеб или рыбу, то Отец небесный тем более даст благие дары тем, кто просит у Него.

Как я мог этого не замечать? Иисус провозгласил Нагорную проповедь не для того, чтобы мы, подобно Толстому, хмурили в отчаянии брови из-за своей неспособности достичь совершенства. Его цель заключалась в том, чтобы сообщить нам о Божьем идеале, к которому мы должны непрестанно стремиться, и в то же время — показать, что никто из нас никогда его не достигнет. Нагорная проповедь вынуждает нас признать наличие огромной дистанции между нами и Богом, и любая попытка сократить эту дистанцию, каким-то образом смягчив требования, лишь выявляет совершенное непонимание смысла написанного.

Превращение Нагорной проповеди в очередную форму законничества было бы ужаснейшей из трагедий, поскольку ее цель — положить конец всякому законничеству. Законничество, подобное фарисейскому, всегда терпит провал, и не потому, что оно слишком строгое, а потому, что оно *недостаточно* строгое. Нагорная проповедь громогласно, неоспоримо доказывает, что пред Богом мы все стоим на одном уровне: убийцы и вспылчивые, прелюбодеи и смотрящие с вожделием, воры и скупцы. Мы все находимся в отчаянном положении, и это, на самом деле, — единственное состояние, приемлемое для человеческого существа, желающего познать Бога. Упав с абсолютного идеала, нам больше некуда приземляться, кроме как в страховочную сеть абсолютной благодати.

Из книги «Иисус, Которого я не знал»